



Славяноведение, 2024, № 6, с. 61–74

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 6, pp. 61–74

DOI: 10.31857/S0869544X24060058, EDN: XGUSFJ

Оригинальная статья / Original Article

Иудейское культовое строительство в Российской империи: проблемы терминологии

© 2024 г. С.С. Падалко

Институт славяноведения Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

semenpadalko14@gmail.com

Проект Иудейское культовое строительство Российской империи за чертой оседлости (подготовка к изданию сборника-каталога с критическими комментариями) (№ 23-28-01010) реализуется за счет гранта Российского научного фонда

Аннотация. В статье анализируется практика иудейского культового строительства в понятиях фрейм-анализа И. Гофмана. Особое внимание уделено проблеме «избегания» использования принятых в законодательстве терминов «синагога» и «молитвенная школа» в переписке с общинами. Статья разделена на три смысловых блока, в первом подробно разбирается механизм получения разрешения временных молелен и постоянных культовых строений. Второй блок посвящен разбору терминов, используемых в законодательстве для евреев черты и вне нее. В третьей части при помощи фрейм-анализа разбирается бюрократический язык как церемониальная процедура, требующая соблюдения правил переписки обеими сторонами. Анализ поднятой в статье проблемы приводит к выводу, что за пределами переписки правило избегания терминов не работало. Исследование терминологии проведено на основе источников по истории евреев Поволжья.

Ключевые слова: синагога, бюрократия, молитвенная школа, еврейская община.

Ссылка для цитирования: Падалко С.С. Иудейское культовое строительство в Российской империи: проблемы терминологии // *Славяноведение*. 2024. № 6. С. 61–74. DOI: 10.31857/S0869544X24060058, EDN: XGUSFJ

Jewish Religious Building in the Russian Empire: Problems of Terminology

© 2024. Semyon S. Padalko

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow)
St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russian Federation)
semenpadalko14@gmail.com

Abstract. The article examines the practice of synagogue architecture through the lens of I. Hoffman's framework. Special attention is paid to the problem of avoiding the use

of the terms «synagogue» and «prayer school» adopted in legislation in correspondence with communities. The article is divided into three semantic blocks, the first one examines in detail the mechanism for obtaining permission for temporary prayer halls and permanent religious buildings. The second is devoted to the analysis of terms used in the legislation for Jews of the line and outside it. In the third, with the help of frame analysis, bureaucratic language is analyzed as a ceremonial procedure requiring compliance with the rules of correspondence by both sides. It is concluded that outside of correspondence, the rule of avoiding terms did not work. The article is based on historical sources related to the Jewish community in the Volga Region.

Keywords: synagogue, bureaucracy, prayer school, Jewish community.

For citation: *Semyon S. Padalko. Jewish Religious Building in the Russian Empire: Problems of Terminology // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2024. No. 6. P. 61–74. DOI: 10.31857/S0869544X24060058, EDN: XGUSFJ*

В иудейской традиции синагоге, как общественному институту, отводится одна из самых важных ролей в сохранении национальной идентичности. Авторы-составители еврейской энциклопедии писали о синагоге, как о центре общинной жизни «олицетворяющей живой дух иудаизма» [Еврейская энциклопедия 1913, 256]. Из этого следует простая связь: если в городе существует постоянное еврейское население, значит должна быть и синагога¹.

На протяжении XIX в. синагога обретала новые функции, помимо внутри-общинной составляющей добавлялась функция репрезентации еврейской общины в пространстве европейского города. Особенно отчетливо это проявлялось на территории Центральной и Восточной Европы, где евреи сосуществовали с преобладающим славянским населением. Так, благодаря прогрессивной части еврейского социума, последователей Хаскалы², строились новые синагоги. Синагоги Одессы (1840), Будапешта (1859), Праги (1868), Варшавы (1878), Кракова (1862) являются свидетельством того, как евреи закрепляли статус и присутствие в публичном пространстве посредством архитектурного строения. Некоторые евреи стремились подчеркнуть свою уникальность через специфический стиль, в то время как другие стремились к ассимиляции любыми способами, за исключением конверсии в христианство. Одни из них акцентировались на своем ближневосточном наследии, тогда как другие выражали преданность исключительно европейской родине, избегая любых намеков на экзотичность [Krinsky 1996, 74].

Географические рамки данного исследования охватывают восточные окраины славянской ойкумены: губернские города Поволжья, куда в течение XIX в. переселялись ашкеназские евреи из традиционных мест их расселения. Одним из таких регионов, привлекавших человеческие и материальные ресурсы, был Нижний Новгород, где с 1817 г. регулярно проводилась самая крупная в государстве сезонная ярмарка. В период работы ярмарки реализовать свои товары стремились и еврейские торговцы. Еврейская история Нижнего Новгорода, города, отстоящего от черты оседлости на тысячу километров, похожа на все-остальные примеры заселения евреями внутренних губерний России. Первоначальное еврейское население, представленное отставными солдатами из нижних чинов, увеличивалось прибывавшими в город купцами и ремесленниками. С течением времени, получая оседлость в городе и приписываясь к местному мещанству, евреи образовывали общины, становившиеся предметом

¹ Автор выражает благодарность Виктории Герасимовой за ценные советы при планировании исследования и рекомендации по оформлению статьи.

² Хаскала — идейное и интеллектуальное движение, направленное на просвещение и культурное преобразование евреев, ориентировавшееся на европейское образование и культуру.

гражданского регулирования со стороны городских и губернских властей региона. Интерес к развитию еврейской общины Нижнего Новгорода объясняется как типичностью сюжета истории, связанного со строительством культового здания, так и достаточным количеством источников по данной теме.

В начале последней четверти XIX в. в городе проживали порядка 148 еврейских семейств [Егоров 2019, 94]. В нем действовали несколько иудейских молельных домов, причем как в «верхней» части, где располагались административные и жилые районы города, так и в «нижней» — районе Канавино, на противоположном берегу реки Оки, где проводилась ярмарка. Из источников известно, что были организованы такие молельни на ул. Дворянской³, на ул. Ошарской⁴ в специально арендованных комнатах в купеческих домах. В предшествующие годы имелись и иные молельные комнаты в других частях города [Пудалов 1998, 31], данные молельни имели статус временных и, как правило, нелегальных, или же частично легальных, если речь шла о казарменных помещениях, где с устного разрешения военного начальства могли собираться солдаты для молитвы. Однако, начиная с 1874 г., в городе начал работу прибывший из Могилева раввин Борух Залман Заходер, чьей заслугой стало строительство каменного здания синагоги.

В 1879 г. прошение Б. Заходера на строительство каменной молельни было одобрено губернским правлением, а в 1881 г. утвержден архитектурный проект, реализованный под руководством архитектора Ф.Н. Неймана. В переписке раввина с губернской властью не употреблялись ни термин «синагога», ни «молитвенная школа» — официальные наименования иудейских культовых зданий в Российской империи для обозначения сооружаемого здания. Дозволяя хозяйственному правлению общины возвести здание каменной молельни, губернское начальство установило жесткое правило: «чтобы молельня эта не была именуема ни синагогой, ни молитвенной школой»⁵. Схожим образом запрещалось именовать молитвенной здание синагогой евреям Смоленска⁶, Казани [Нугманова 2007, 187–188], Шлиссельбурга⁷ и других российских городов.

Документы о строительстве Нижегородской синагоги, как и другие источники, приводимые в статье, являются свидетельством одного из явлений бюрократического языка имперских чиновников, а именно — «избегания» в публичном дискурсе терминологии, которой обозначаются культовые иудейские постройки.

Цель статьи — проанализировать практику иудейского культового строительства вне черты оседлости в понятиях фрейм-анализа по И. Гофману (о нем см. ниже). Для этого можно рассмотреть взаимодействие власти и еврейских общин по вопросу строительства еврейских молитвенных домов, как церемониал с особым языком бюрократии. В статье рассмотрены три исследовательских вопроса: каким образом выстраивалось общение между имперскими чиновниками и еврейскими общинами; как в законодательстве именовались культовые объекты; и почему несмотря на факт постройки культового объекта в городе, представители власти в общении с еврейскими общинами обходили термин «синагога».

Губернское делопроизводство и евреи

Начиная с 1860-х годов, в эпоху проведения Великих реформ Александра II, чиновники внутренних губерний России все чаще начали сталкиваться с

³ ЦАНО. Ф. 30. Оп. 35. Д. 138.

⁴ Там же. Д. 350.

⁵ ЦАНО. Ф. 5 Оп. 49. Д. 10386. Л. 4.

⁶ РГИА. Ф. 801. Оп. 8. Д. 66.

⁷ Там же. Д. 103.

новым для себя обстоятельством: на подконтрольной им территории обнаружилось постоянное еврейское население, которое хоть и ограничено в правах, но, тем не менее, имеет свои запросы, является подданными государя и самое важное — имеет обязанности перед государством.

Если раньше, в первой половине XIX в., проблемы евреев решали чиновники западных губерний и центрального аппарата, то теперь и бюрократы внутренних областей России были обязаны рассматривать прошения, проживавшего в их крае иудейского населения. Первоначальный пласт документации, который начал накапливаться в делопроизводственных архивах губернских учреждений, содержит прошения отдельных лиц на право проживания и ведение ремесла в регионе. Рассмотрение этих вопросов происходило на уровне губернского начальства. Однако последующие прошения были связаны с институциональным оформлением еврейских общин, а такие вопросы требовали соответствия правовой базе и вышестоящей санкции МВД.

Вопросы, связанные с проживанием, ведением метрических книг и коммуникацию евреев с властью через казенного раввина и хозяйственного правления общин можно отнести к категории обязанностей. Это было необходимо государству для установления контроля над еврейскими подданными.

Во вторую категорию можно отнести вопросы, связанные с внутренними потребностями общин, первые две: где молиться и где хоронить. Отсюда проистекает необходимость иметь собственное культовое учреждение, отдельный от других конфессий участок кладбища, образовательные учреждения и благотворительные общества.

С одной стороны, институты обслуживали интересы еврейского населения с инфраструктурной точки зрения. С другой — они являлись формой представительства, необходимой для взаимодействия с государственными органами. Первоначально к иным формам коммуникации с властью, прибегали жители местечек черты оседлости после упразднения кагалов в 1844 г. [Nathans 2002, 38].

Возрастающее делопроизводство по еврейскому вопросу наиболее отчетливо отражается в фондах РГИА. Так, в фонде ДДДИИ (Ф. 821. Оп. 8) представлены бумаги по строительству синагог во внутренних губерниях России. Данная коллекция документов, а также документы из региональных исторических архивов Поволжья, составляют источниковую базу исследования.

Прежде чем еврейская община окрепла до того состояния, что могла себе позволить купить участок земли и построить каменное здание, евреи через своих представителей просили у начальства разрешить открыть временную молельню.

Механика получения такого разрешения выглядела следующим образом: из еврейской среды выбирались наиболее подходящие кандидаты на то, чтобы быть представителем общины. К таковым относились либо купцы, либо мещане, легально приписанные к городу, которые по приговору общества ходатайствовали перед губернатором или исправником о разрешении им открыть молельню.

Далее прошение попадало на стол к губернатору, он в свою очередь должен был направить этот вопрос в ДДДИИ, сопроводив своим мнением прошение. Подобный порядок представления дел был впервые введен для еврейских молелен Санкт-Петербурга в 1860 г. и далее распространился на всю территорию вне черты оседлости⁸.

Однако данная механика не всегда в точности работала. Например, царьинские евреи, начиная с июля 1888 г., обращались к начальнику Саратовской

⁸ ПСЗРИ № 36266 б.

губернии за разрешением открыть временную молельню. Действуя в соответствии с процедурой, начальник губернии собрал сведения о жительствовавших евреях (сообщалось о 64 семьях, приписанных к саратовскому мещанству) и перенаправил их в МВД, однако просители получили отказ⁹.

Одновременно с первыми просителями с весны 1888 г. два других представителя от нижних чинов начали забрасывать телеграммами Саратовское губернское правление с просьбой открыть временную молельню во время праздника Пасхи, но не получили к нужному сроку ответ. Уже в августе они же просили разрешить моление во время осенних еврейских праздников, и, наконец, получили разрешение, выданное министром МВД¹⁰.

Не останавливаясь на достигнутом, царицынские евреи напрямую обратились к министру и в итоге получили от него разрешение на временное открытие молельни во время праздников¹¹. В следующем году ситуация повторилась: сначала обратившись к царицынскому исправнику и получив через него указание, что разрешение на открытие молельни выдает МВД, царицынские евреи вновь штурмовали канцелярию министра, на что губернское правление и сами просящие получили замечание от министерства, *«что с прошением по сему предмету они должны обращаться к губернскому начальству и что посылаемые вопреки установленному порядку, непосредственно в Министерство телеграммы по таковым делам будут оставаться без действий»*¹².

Вероятно, получив первоначальный отказ на открытие постоянной молельни, царицынские евреи избрали тактику постоянного давления на бюрократию посредством писем и телеграмм, которая, по всей видимости, сохранялась и в начале 1890-х годов. В то же время губернское начальство, переадресовывая просителей в МВД, стремилось снять с себя часть ответственности за затягивание ответа и принимаемое решение. Промежуточным итогом бюрократического процесса стало разрешение евреям Царицына открыть постоянную молельню во второй части города, на Касимовской улице, в доме купца Дормана в 1894 г.¹³.

Далеко не всегда евреи прибегали к процедуре подачи прошения, о многих подобных молельнях можно узнать из доносов и рапортов полицмейстеров, которые обнаруживали в частных домах подпольные миньяны¹⁴. Саратовские евреи, так же как и их единоверцы из Царицына, просили в 1895 г. открыть на время осенних праздников временную молельню, несмотря на то, что ДДДИ дал разрешение этой группе, губернское правление получило донесение от полицейского управления, что в городе действует на протяжении двух лет не-санкционированный молитвенный дом по Староострожной улице в доме Старосельского, и что евреи на время праздников снимали еще одно помещение в течение сентября¹⁵.

Если организовать нелегальную молельную комнату и скрыть ее от начальства было возможно, то построить собственное здание без разрешения было нельзя, потому что строительство культовой постройки воспринималось как попытка еврейской общины репрезентировать себя в городском пространстве [Coenen-Snyder 2013, 268].

⁹ ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6469.

¹⁰ Там же. Д. 6741. Л. 2, 6–7.

¹¹ Там же. Л. 10.

¹² Там же. Д. 6857. Л. 4.

¹³ Там же. Д. 7249.

¹⁴ Миньян — группа, состоящая минимум из десяти взрослых мужчин (старше 13 лет) необходимая для проведения коллективного богослужения.

¹⁵ Там же. Д. 7529. Л. 15.

Первоначально строительство синагог регулировалось Положением о евреях 1835 г. и Уставом строительным 1837 г. Процедура получения разрешения не была четко определена, более того, правила были прописаны исключительно для евреев черты оседлости, а строительство культовых объектов в других губерниях имперское законодательство не регламентировало.

С увеличением числа еврейских прошений разрешительная процедура втягивалась в бюрократический оборот. На установление регламента оказывали влияние прецеденты. В 1847 г. киевский генерал-губернатор Д.Г. Бибилов (1792–1870), разбирая вопрос о строительстве молитвенного дома в местечке Жашков, обнаружил несоответствие двух регламентов. Положение общего губернского учреждения указывало губернаторам передавать прошения о строительстве иноверческих храмов в МВД, но в случае постройки синагог руководствоваться строительным уставом. В строительном уставе выдача разрешения на открытие синагоги оставалась полномочием губернского начальства, а роль вышестоящего начальства не указывалась. Отправив запрос в МВД за разъяснением правил, Бибилов выразил свою точку зрения на вопрос: «Следовало бы на устройстве Еврейских молитвенных домов и Синагог испрашивать каждый раз разрешение министра МВД». Министр согласился с данным мнением¹⁶.

Таким образом фиксировался порядок, схожий с разрешением на временные молельни: сначала евреи должны были подать прошение губернскому начальству, которое собирало сведения о будущем строительстве и о самой общине, затем препровождало данные в МВД с указанием согласия или не согласия губернатора на строительство.

Термины иудейского строительства

Важной темой в данном контексте является проблема терминологии культового строительства. На основании текста источников можно составить список наиболее частотных терминов, в него входят: «молельня», «молитвенный дом», «молитвенная школа», «молитвенное здание», «моленная комната», «синагога». Чаще термины употребляются в связке с прилагательным, указывающий на материал строительства — «деревянный/каменный», темпоральности — «временный/постоянный молитвенный дом»; или указывающий на религиозную идентичность — «молитвенной дом «сфарад»/«ашкеназ»/«хабад».

В первую очередь, необходимо определить, какие в еврейской традиции используются термины для обозначения места, предназначенного для отправления культа. Традиционным наименованием на иврите для обозначения молитвенного сооружения используется «*beit kneset*» переводимое как «дом собрания». Под этим термином принято понимать отдельно стоящее здание, архитектурно выделяемое в пространстве. На территории Восточной Европы, где родным языком евреев был идиш, вариант произношения менялся на «*beis knesses*». Дословная калька словосочетания на греческом языке «синагога» вошла в европейские языки, в том числе и в русский. Причем популярность этого термина возросла только в XIX в. для обозначения реформированных синагог Европы.

Помимо синагог для обозначения молитвенных домов в иврите используется «*beit midrash*», в идишском произношении «*beis medresh*» — «дом учебы», под которым подразумевался общественный институт еврейской общины, предназначенный для учебы, в противопоставлении синагоге [Reiner 2008, 173–175]. В ашкеназской традиции существовали и иные термины на идише, такие как «*shtibl*», «*kloyz*», «*shul*» и др. [Synagogues 2010, 19–23]. Употребление

¹⁶ РГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 29. Л. 25–29.

этих терминов сильно разнилось от региона Восточной Европы, в них были заключены реалии еврейского местечка. В бюрократический тезаурус они не входили, поэтому их применение носило случайный характер, часто с подачи самих евреев, и ограничивалось западными губерниями, поэтому в данной статье они не рассматриваются.

В имперском законодательстве для обозначения еврейских молитвенных домов использовалось первоначально только два термина. В положении о евреях 1835 г. были закреплены: синагога (бейт-кнессет) и молитвенная школа (бейт-мидраш)¹⁷. Вероятно, составители положения постарались совместить свои знания по предмету с законами бывшей Речи Посполитой и реалиями еврейской общинной жизни. Так, ставший популярным в XIX в. европейских языках для обозначения больших и архитектурно выделенных молитвенных домов термин «синагога» сопоставили с «бейт-кнессет», а понятие «школа», используемое в польском делопроизводстве, с понятием «бейт-мидраш» [Levin 2017, 22–27]. При этом законодательным упущением стало то, что по своему функционалу они уравнивались — только в этих двух зданиях разрешалось совершать коллективную молитву. В то же время никаким образом ни в строительном уставе, ни в положении не было уточнено, чем первый тип построек отличается от второго.

Отсутствие четкого разделения терминов в реальной практике приводило к тому, что чиновники могли использовать оба понятия для любой постройки, о строительстве которой им надлежало принять решение.

Разграничение понятий синагога и молитвенная школа является исследовательской проблемой, так как единой позиции не существует. И. Кляйнманн предложила считать, что все типы постройки отличались не функционалом, а исключительно размером здания и вместимостью. По ее мнению, правительственные чиновники считали молитвенную школу маленькой синагогой [Кляйнманн 2019, 329].

В статье М. Сапира находим попытку объяснить различие через разный функционал построек. Так, синагога, с его точки зрения, отвечала за две функции: религиозную и образовательную, а молитвенная школа — только за религиозную [Сапир 2017, 65].

Оба объяснения, пытаются определить понятие, выбирая только один существенный признак, и отчасти основаны на буквальном переводе и толковании еврейских терминов. Проблема терминологии в данном случае упирается в то, что при составлении законов и в дальнейшей практике правоприменения не учитывалось, как данные термины применялись в еврейской жизни. Детали, отличающие бейт-кнессет от бейт-мидраш выражались не столько в размерах и выполняемых функциях, сколько в прагматике повседневности.

В 1868 г. ДДДИИ получил на рассмотрение дело из Полтавской губернии, по прошению хасидов разрешить постройку молитвенного дома под названием «Хабад». Видимо, не распознав, что в данном случае речь идет о наименовании постройки, а не о ее типе, чиновники запросили комментарий у Моисея Берлина (1856–1888), ученого еврея¹⁸, состоявшего у них на службе. От него требовалось дать ответ на два вопроса, чем бейт-кнессет отличается от бейт-мидраш и что имеют в виду хасиды.

Его ответ содержал следующие характеристики: синагога (бейт-кнессет) — здание, отличающееся архитектурой и внутренним убранством, в нем ничего кроме богослужения не проводится. Важный атрибут синагоги являются

¹⁷ ПСЗРИ. № 8054. Положение о евреях. Т. 10. 1835.

¹⁸ Официальная должность, существовавшая в Российской империи в 1844–1917 гг.

пергаментные свитки и утварь. М. Берлин подметил важную деталь: «Здания эти большею частью холодные и без печей». Бейт-мидраш означает все остальные молитвенные дома, в которых помимо молитвы, могут проводиться иные виды деятельности: чтение книг, собрания благотворительных обществ, обсуждение общинных дел. Поэтому помимо свитков Торы, там еще есть обширная библиотека печатных книг. Бейт-мидраш открывается и содержится за счет средств обществ и братств, например, погребальных, что будет отражаться в его названии¹⁹.

Опираясь на пояснение М. Берлина, можно сформулировать наиболее характерные отличия двух культовых построек. Синагога – главное здание и место сбора большого числа прихожан, открывала двери по случаю религиозных и общинных праздников и была не приспособлена для круглогодичного использования. Еврейские общины стремились сделать синагоги большими по размеру, архитектурно выделяемыми в городском пространстве зданиями, поэтому они строились ближе к центру города, главной площади, рынку. Более того, их строительство было дорогим мероприятием и поэтому требовало усилий всей общины.

Иные молитвенные дома использовались кроме богослужения под другие цели, поэтому в холодное время отапливались. Их было численно больше, каждый из них обслуживал определенную социальную группу или религиозной коллектив, они располагались в удобном для прихожан месте города. Схожим образом развел понятия И. Левитац, говоря, что «бейт мидраш, оставался открытым весь день и служил не только для молитвы» [Левитац 2013, 182].

Молитвенный дом (школа) не требовал большого помещения, его строительство и содержание ложилось на плечи того коллектива, для которого постройка предназначалась. В городах вне черты оседлости такие строения стремились скрыть от всеобщего обозрения, поэтому их фасад не был декорирован. К числу малозаметных молитвенных домов можно отнести постройки в Астрахани, Симбирске, Рыбинске, Самаре [Levin 2022, 121–126].

Именно поэтому количество синагог было значительно меньше, чем молитвенных домов. Согласно статистическим данным ДДДИИ, в 1860 г. в Российской империи внутри черты оседлости (без Царства Польского) действовало 575 синагог и 2 310 молитвенных школ²⁰.

В том же 1860 г. Александр II утвердил положение еврейского комитета об открытии еврейской молельни для купцов в Санкт-Петербурге с условием, «чтобы она не была именуема ни молитвенной школой, ни синагогой». Этот документ, как и последующее постановление Кабинета министров 19 января 1868 г.²¹ законодательно ввел еще один термин, а также обозначил правила по открытию таковых построек, которые были рассмотрены выше.

Подача прошения как церемония

Почему же имеющимися терминами не пользовались и вместо них использовались другие? Это выглядит тем более удивительным, что признаков, различающих молельню и синагогу не приводилось, а функционал оставался тем же. Примеры сохранившихся синагог и их чертежей Нижнего Новгорода, Самары, Саратова, Смоленска, Томска и других городов вне черты оседлости свидетельствует, что по размерам зданий и их выделяющемуся фасаду они соответствовали принятому определению. Тем не менее такие синагоги также именовались молельнями.

¹⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 45. Л. 3–4.

²⁰ РГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 29. Л. 39.

²¹ ПСЗРИ. № 45408. С. 39.

Вероятно, причиной данного феномена является сам бюрократический язык и процедура согласования строительства. Мы имеем дело с законами и процедурами, в том виде в котором они мыслились чиновниками разных уровней. Данная рамка была сформирована коллективным представлением бюрократов, но это рамка воображаемого мироустройства. Элементом этой воображаемой реальности является черта оседлости, внутри нее евреям разрешено иметь синагоги и молитвенные школы, поэтому правила предусматривают только подобный регламент. Когда же бюрократический аппарат встречался с прошениями, поданными не из черты оседлости, реальность расходилась с воображением, но оно оказывало влияние на бюрократический тезаурус. Следствием этого являлась ситуация — построить культовое сооружение евреям можно за чертой (элемент реальной жизни), а именовать его синагогой нельзя (элемент воображения).

Как было показано выше, механизм получения разрешения на строительство культового здания мог быть запущен только самой еврейской общиной. Поэтому первичным в данном процессе было само прошение от еврейского сообщества. Это означало, что сама еврейская община, а не чиновники, изначально выбирала термин, которым обозначала здание. Нижегородский раввин Б.З. Заходер, обращаясь за утверждением чертежа будущего объекта, писал, «что ходатайство нижегородской еврейской общины о разрешении построить в Нижнем Новгороде молельню уважено»²². В дальнейшем, во внутренней переписке между чиновниками также фигурирует «молельня», «каменная молельня», «еврейская молельня» и «молитвенный дом». Царицынская община в прошении именovala постройку «молитвенным домом» и «еврейским молитвенным домом», в дальнейшей переписке чиновники также использовали этот термин²³.

Объяснить выбор термина общиной можно следующим образом: во-первых, такое наименование использовалось в тексте закона в пункте про сооружение молелен вне черты. Во-вторых, нередко еврейские общины руководствовались соответствующими прецедентами. Руководящим был пример открытия молельни в Санкт-Петербурге, но не только. Например, саратовские евреи использовали опыт единоверцев в Воронеже²⁴.

Однако подобная интерпретация не отвечает на поставленный исследовательский вопрос. Более того, примеры других дел демонстрируют, что правило «не именовать синагогой» нарушалось и евреями, и чиновниками. Понять социальную природу бюрократического языка можно прибегнув к языку фрейм-анализа.

Его основной вопрос: как определение текущего социального взаимодействия участниками связано с внешними, наблюдаемыми характеристиками этого взаимодействия. Переписка евреев с начальством — пример такого взаимодействия. Участники знают свою роль и определенный сценарий взаимодействия, каждый из них фреймирует определенным образом происходящее. Согласованное фреймирование взаимодействия делает его неproblemатичным. В случае, если событие взаимодействия начинает выпадать из фрейма, общее определение проблематизируется, а взаимодействие, как правило, нарушается и требуется в исправлении — «починке» фрейма. И. Гофман, выделил два вида трансформации фреймов: переключение и фабрикация. Переключение

²² ЦАНО. Ф. 5. Оп. 49. Д. 10386. Л. 3.

²³ ГАСО. Ф. 656. Оп. 1. Д. 1117.

²⁴ Из текста прошения: «Ближайший случай такого разрешения нам известен в соседнем городе Воронеже». Цит. по: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6469.

представляет собой способ реинтерпретации некоторой деятельности, уже осмысленной в базовой системе фреймов, ее перевод в другую систему координат [Гофман 2004, 106].

Процедура получения разрешения на строительство синагоги и молитвенной школы внутри черты оседлости есть первичный фрейм. Первым переключением этого фрейма является его перевод в мир текста, построенного на бюрократическом языке, который в свою очередь является уже не столько процедурой, сколько церемониалом, отсюда используемые выражения: «имею честь уведомить», «имеем честь просить». Ведущие переписку лица обязаны соблюдать этикет, речевые нормы и необходимые элементы церемониала. В рамках текста просящие евреи могут использовать те же самые термины, что и сами чиновники — таким образом соответствовать процедурному сценарию и бюрократическому языку.

Поломка фрейма происходит в тот момент, когда чиновники внутренних губерний вынуждены отвечать на обращения евреев вне черты оседлости. Использовать существующий сценарий нельзя, поэтому он раздваивается — в закон вводят примечание о молельнях вне черты, где меняется термин, но процедура одобрения остается той же, что и в ответ на прошение о строительстве синагог. Тут происходит второе переключение, вводится новый сценарий.

Изменение сценария можно объяснить запретом евреям именовать свои здания синагогой, поскольку чиновники вообще не должны были допускать и признавать присутствие евреев вне черты. Исходя из этого возникают дальнейшие действия чиновников: поиск доказательств, что евреи находятся незаконно, процедура дознания, высылка евреев за пределы губернии.

Поэтому корректируется сам церемониал: теперь чиновники обязуются прописывать и напоминать просящим евреям, что здание нельзя именовать ни синагогой, ни молитвенной школой, ибо так называют постройки только в черте постоянной оседлости. Поскольку такая терминология в переписке и, соответственно, публичная репрезентация их постройки в пространстве города не допустимы, как не допустимо и само напоминание о том, что евреи могут жить вне черты оседлости.

При этом часть нового церемониала действует только в рамках переписки между евреями и чиновниками. Когда речь заходит о других ситуациях, поведение участников меняется, избегать термин нет необходимости. Это заметно в переписке чиновников между собой. Так, в рапорте нижегородского полицмейстера, отправленного в губернское правление, пять раз употребляется слово синагога и не употреблено никаких заменяющих терминов²⁵. Аналогично поступает епископ Казанский Антоний в доносе 1864 г. с требованием закрыть «еврейскую синагогу» в Казани²⁶. Часто использовались термины «синагога» и «молитвенная школа» делопроизводителями губернских архивов, поэтому можно встретить их в заголовках дел. Не соблюдался церемониал в случае строительства главной синагоги империи в Санкт-Петербурге.

За пределами переписки с чиновниками в еврейской среде использовался бюрократический язык. Примеры этого можно найти в периодической еврейской печати. В газете «Русский еврей» — печатном органе русско-еврейской интеллигенции, так называемых маскилим²⁷, встречаются донесения о строительстве и открытии многих еврейских синагог, молитвенных домов. Зачастую

²⁵ ЦАНО. Ф. 5. Оп. 49. Д. 10350. Л. 5.

²⁶ ГАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 880. Л. 1–2.

²⁷ Маскилим — последователи движения Хаскалы, направленного на просвещение и культурное преобразование евреев, бравшее ориентир на европейское образование и культуру.

корреспонденты в одной и той же заметке смешивали данные термины, говоря в одном предложении молитвенный дом, а в следующем синагога²⁸.

Помимо языка бюрократии еврейской прессы термин «синагога» имел хождение и в русской публицистике. Корреспондент «Волжского слова» посвятил разворот газеты открытию синагоги в Самаре. Примечательным в данной заметке является не столько использование только одного термина, сколько описание торжества по случаю открытия здания 31 августа 1908 г. В публикации сообщалось, что на открытии присутствовало большое число представителей власти: вице-губернатор, глава города, полицмейстеры, депутаты городской думы и другие, т.е. той части бюрократии, с которой переписывались представители, в общении с которой требовалось прибегать к церемониальным правилам избегания терминов²⁹. Пример демонстрирует, что чиновники следовали иному фрейму «городского праздника» по случаю открытия большой и видной культовой постройке в городе, который они как представители власти не могут проигнорировать.

Одним из источников публичного обозначения еврейских синагог являются карты городов. Например, на чертежах 1893 г. Нижнего Новгорода³⁰, 1888 г. Екатеринодара³¹ культовые постройки подписаны своим названием. Список примеров карт других городов, разумеется, можно расширить.

Переписка еврейских общин с властями по вопросу строительства могла занимать не один десяток лет. Яркий тому пример – строительство синагоги в Санкт-Петербурге, растянувшееся почти на 25 лет (с 1868 по 1893 г.). Схожим по длительности и сложности оказался для еврейской общины Казани вопрос согласования места и фасада синагоги.

Еврейским представителям, чтобы получить разрешение, требовалось следовать правилам бюрократического языка, а также предпринимать различные уловки, чтобы «умилостивить» чиновников. Борух Захонер, чтобы ускорить утверждение чертежа синагоги, присовокупил к нему проект пристройки памятной часовни и памятника в честь покойного Александра II: «Представляя план часовни правления нижегородской еврейской общины имею честь почтительно просить Ваше превосходительство, Благоволите разрешить сооружение памятника, к сооружению коего приступлено будет немедленно по получении разрешения»³².

Анализируя данный сюжет, М.Б. Пудалов пришел к выводу, что данная формулировка в прошении помогла получить разрешение на открытие синагоги [Пудалов 1998, 46]. Однако это не совсем так, данное письмо помогло общине ускорить строительство, но только в вопросе утверждения чертежа на постройку, а не в получении разрешения, так как оно уже было получено ранее в 1879 г.³³

Исход дела нижегородских евреев был успешным, и в 1883 г. здание синагоги было достроено. Также победу за собственное здание синагоги одержала царицынская еврейская община в 1902 г., когда МВД дало разрешение построить постоянный молельный дом, проект которого был утвержден в 1908 г.³⁴

Таким образом, для бюрократии Российской империи вопрос иудейского культового строительства вынуждено стал одной из задач, которую необходимо было решить в рамках управления еврейскими подданными. Как видно из приведенных в статье источников, чиновникам пришлось вводить в

²⁸ Владикавказ // Русский еврей. 1879 г.; Иркутск // Русский еврей. 1881 г.

²⁹ Открытие синагоги // Волжское слово. 1908 г.

³⁰ План Нижнего Новгорода 1893 г.

³¹ План Екатеринодара 1883 г.

³² ЦАНО. Ф. 5. Оп. 49. Д. 10350. Л. 2.

³³ Там же. Д. 10386. Л. 1.

³⁴ ГАСО. Ф. 656. Оп. 1. Д. 1117.

законодательство новые правила и процедуры, разбираться в типах строений, заимствовать и приспосабливать термины.

Результатом нормотворчества чиновников стала двойственная и противоречивая система. Одна ее часть регулировала процесс постройки синагог и молитвенных школ внутри черты оседлости, другая — процесс постройки молен и молитвенных домов за пределами черты. Главным отличием, которое разделило эти две системы, стало правило «избегания», которое применялось к евреям, живущим во внутренних губерниях России. Это стало результатом рассогласования реальности с воображением чиновников, в котором никаких синагог за чертой оседлости быть не могло. Именно это повлияло на формирование бюрократического языка и его словаря, в котором не нашлось место привычным терминам. Бюрократы, ведя переписку по вопросу строительства, предписывали евреям не именовать свои постройки синагогой и молитвенной школой. Однако, правило «избегания» носило исключительно церемониальный характер, поскольку оставалось только в границах бюрократического языка, требовавшего использовать его в тексте официальных документов.

Итогом упорной работы еврейских общин во взаимодействии с бюрократией являются синагоги Нижнего Новгорода, Самары, Саратова и Казани, которые стали памятниками еврейской истории и архитектуры. Они занимают равное положение с синагогами Украины, Польши и Чехии, возведенными в XIX — начале XX вв.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАРТ — Государственный архив Республики Татарстан, Казань
ГАСО — Государственный архив Саратовской области, Саратов
ДДИИ — Департамент духовных дел иностранных исповеданий
МВД — Министерство внутренних дел Российской империи
ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи
РГИА — Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург
ЦАНО — Центральный архив Нижегородской области, Нижний Новгород

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Волжское слово 1908 г. URL: https://drugoigorod.ru/samara_matches1/
ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6469. Дело по прошению отставных нижних чинов из евреев Пейса Ховича и Зиндель с прочими, о дозволении им открыть в г. Саратове в наемном помещении молельни.
ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6741. Дело по телеграммам проживающих в г. Царицыне евреях нижних чинов Тилянкина и Заславского о разрешении отправлять обряды их религии в особом помещении для молитвенных собраний.
ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6857. По рапорту царицынского исправника коим ходатайствует о разрешении евреям проживающим в г. Царицыне устроить временную молельню на время предстоящих еврейских праздников. Л. 4.
ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7249. По прошению проживающих в Царицыне евреев о разрешении им учредить в Царицыне Синагогу.
ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7529. Дело по отношению ДДИ относительно возбужденного евреями ходатайства о разрешении нанять им дом для совершения общего богомоления в течении предстоящих еврейских праздников. Л. 15.
ГАСО. Ф. 656. Оп. 1. Д. 1117. Дело об утверждении проекта на постройку еврейской синагоги в городе Царицын.
ГАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 880. По письму Преосвященного Антония Епископа Казанского, о еврейской молитвенной школе состоящей в г. Казани.
План Екатеринодара 1883 г. URL: http://www.etomesto.ru/map-kuban_1888-ekaterinodar/
План Нижнего Новгорода 1893 г. URL: http://www.etomesto.ru/download.php?map=nn_1893
ПСЗРИ. № 8054. 13 апреля 1835 Положение о евреях. Т. 10. 1835 г.

- ПСЗРИ. № 36266 б. 28 октября 1860. О дозволении находящемуся в Санкт-Петербурге еврейскому купечеству учредить здесь молельню. Т. 42. 1867 г.
- ПСЗРИ. № 45408 19 января 1868. О предоставлении Министру Внутренних Дел права разрешать, для вновь образующихся Еврейских обществ вне черты постоянной их оседлости, устройство молелен и хозяйственных при оных Правлений. Т. 43. 1868 г.
- РГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 29. Дело о постройке синагог и молитвенных домов.
- РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 66. Дело о разрешении устройства в г. Смоленске еврейской молельни с запрещением именовать ее синагогой или молитвенной школой.
- РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 103. Дело о разрешения открытия еврейской молельни в г. Шлиссельбурге Петербургской губ. с запрещением именовать ее синагогой или молитвенной школой.
- РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 45. По отношению Начальника Полтавской губернии: об открытии в Кременчуге Еврейского молитвенного дома под названием «Хабад» Л. 3–4.
- Русский еврей. 1879 г. № 15. С. 552–553; 1881 г. № 31. С. 1219–1220.
- Свод законов Российской Империи. Т. 1. Ч. 1. Санкт-Петербург, 1896. С. 123–124.
- ЦАНО. Ф. 30. Оп. 35. Д. 138. Об открытии проживающими в Нижнем Новгороде евреям молитвенной школы на Дворянской улице в доме Королькова.
- ЦАНО. Ф. 30. Оп. 35. Д. 350. По отношению Департамента духовных дел иностранного исповедания относительно разрешения нижегородской еврейской молитвенной общине о сооружении памятника императору Александру II при синагоге в Нижнем Новгороде.
- ЦАНО. Ф. 5. Оп. 49. Д. 10350. По отношению Департамента духовных дел иностранного исповедания относительно разрешения нижегородской еврейской молитвенной общине о сооружении памятника императору Александру II при синагоге в Нижнем Новгороде. Л. 5.
- ЦАНО. Ф. 5. Оп. 49. Д. 10386. По рапорту раввина Нижнего Новгорода, об утверждении чертежа на постройку Еврейской молельни в Нижнем Новгороде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гофман И. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2004. 752 с.
- Еврейская энциклопедия / под ред. Л. Каценельсона. Санкт-Петербург: Изд. Брокгауза-Ефрона, 1913. Т. 14. 952 с.
- Егоров В.В. Нижегородская еврейская община в контексте политики российского самодержавия по еврейскому вопросу (март 1855 – январь 1917 гг.): дисс ... канд. ист. наук / Нижегородский гос. ун-т. им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2019. 241 с.
- Клайнманн И. Новые места – Новые люди. Еврейская жизнь в Санкт-Петербург и Москве в XIX в. М.: Книжники, 2019. 486 с.
- Левитац И. Еврейская община в России (1772–1917). М.: Книжники, 2013. 656 с.
- Нугманова Г.Г. Архитектурно-строительное законодательство Российской империи и храмы иноверческих и неправославных христианских исповеданий в Казани // Региональное многообразие архитектуры в России. Казань: Плутон, 2007. С. 172–208.
- Пудалов Б.М. Евреи в Нижнем Новгороде. XIX – начало XX века. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1998. 164 с.
- Сапир М.С. История открытия в г. Ярославле постоянной молельни как пример взаимоотношений еврейской общины с губернскими властями на рубеже XIX–XX вв. // Инновационная наука. 2017. С. 64–67.
- Coenen-Snyder S. Building a Public Judaism: Synagogues and Jewish Identity in Nineteenth-Century Europe. Cambridge: Harvard University Press, 2013. 350 p.
- Krinsky C. H. Synagogues of Europe: Architecture, History, Meaning. Mineola, New York: Dover publications INC, 1996. 480 p.
- Levin V. The Legal History of Synagogues of Nohynia // Synagogues in Ukraine Nohynia. Jerusalem: The Center for Jewish Art, The Hebrew University of Jerusalem, 2017. P. 21–57.
- Levin V., Berezin A. Jewish Prayer in the Heart of Russia: Synagogues along the Noga River // Ars Judaica: The Bar-Ilan Journal of Jewish Art. 2022. No. 8. P. 111–144.
- Nathans B. Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia. Berkeley: University of California press, 2002. 424 p.
- Reiner E. Bet ha-Midrash // The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe. New Haven, Yale University Press, 2008, Vol. 1, 2400 p.
- Synagogues in Lithuania: a Catalogue / eds. Aliza Cohen-Mushlin, Sergey Kravtsov, Vladimir Levin. Vilnius: Vilnius Academy of Art Press, 2010. No. 1. 336 p.

Рукопись поступила в редакцию 12.12.2023

Рукопись принята к печати 25.07.2024

REFERENCES

- Coenen-Snyder S. *Building a Public Judaism: Synagogues and Jewish Identity in Nineteenth-Century Europe*. Cambridge, Harvard University Press Publ., 2013, 350 p.
- Goffman E. *Frame analyses an essay on The organization of experience*. Boston, Northeastern University Press Publ., 1986, 600 p.
- Jegorov V.V. *Nizhegorodskaja jevrejskaja obshchina v kontekste politiki rossiiskogo samodržavii po jevreiskomu voprosu (mart 1855 – ianvar' 1917 gg.)*: Diss. kand. ist. Nauk. Nizhegorodskii gos. un-t. im. N.I. Lobachevskogo. Nizhnii Novgorod, 2019, 241 p. (In Russ.)
- Jevrejskaia entsiklopediia*, pod red. L. Katsenel'sona. St. Petersburg, Izd. Brokgauza-Jefrona Publ., 1913, no. 14, 952p. (In Russ.)
- Kliainmann I. *Novyye mesta – Novyye liudi. Jevrejskaia zhizn' v Sankt-Peterburg i Moskve v XIX v.* Moscow, Knizhniki Publ., 2019, 486 p. (In Russ.)
- Krinsky C.H. *Synagogues of Europe: Architecture, History, Meaning*. Mineola; New York, Dover publications INC Publ., 1996, 480 p.
- Levin V. The Legal History of Synagogues of Nohynia. *Synagogues in Ukraine Nohynia*. Jerusalem, The Center for Jewish Art, The Hebrew University of Jerusalem, 2017, pp. 21–57.
- Levin V., Berezin A. Jewish Prayer in the Heart of Russia: Synagogues along the Noga River. *Ars Judaica: The Bar-Ilan Journal of Jewish Art*. 2022, no. 8, pp. 111–144.
- Levitac I. *Evrejskaya obshchina v Rossii (1772–1917)*. Moscow, Knizhniki Publ., 2013, 656 p. (In Russ.)
- Nathans B. *Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia*. Berkeley, University of California press Publ., 2002. 424 p.
- Nugmanova G.G. Arkhitekturno-stroitel'noye zakonodatel'stvo Rossiiskoi imperii i khramy inovercheskiikh i nepravoslavnykh khristianskiikh ispovedanii v Kazani. *Regional'noye mnogoobrazie arkhitektury v Rossii*. Kazan', Pluton Publ., 2007, pp. 172–208. (In Russ.)
- Pudalov B.M. *Jevrei v Nizhnem Novgorode. XIX – nachalo XX veka*. Nizhnii Novgorod, Nizhegorodskii gumanitarnyi tsentr Publ., 1998, 164 p. (In Russ.)
- Reiner E. Bet ha-Midrash. *The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe*. New Haven, Yale University Press, 2008, Vol. 1, 2400 p.
- Sapir M.S. Istoriia otkrytiia v g. Iaroslavle postoiannoi molel'ni kak primer vzaimootnoshenii jevreiskoi obshchiny s gubernskimi vlastiami na rubezhe XIX–XX vv. *Innovatsionnaya nauka*, 2017, pp. 64–67. (In Russ.)
- Synagogues in Lithuania: a Catalogue*, eds. Aliza Cohen-Mushlin, Sergey Kravtsov, Vladimir Levin. Vilnius, Vilnius Academy of Art Press Publ., 2010, no. 1, 336 p.

Received on 12.12.2023

Accepted on 25.07.2024

Информация об авторе:

Падалко Семен Сергеевич

магистр антропологии и этнологии,
исполнитель проекта
Институт славяноведения
Российской академии наук
г. Москва, Российская Федерация
аспирант СПбГУ
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-9491-5003
E-mail: semenpadalko14@gmail.com

Information about the author:

Semyon S. Padalko

master of anthropology
and ethnology, project executor
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
Postgraduate Student,
St. Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-9491-5003
E-mail: semenpadalko14@gmail.com